

Романы о Великой Отечественной войне

От ветерана Советской армии

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Мерно поскрипывал полевой телефон с фоническим вызовом — устройство в металлическом корпусе, с тканевыми ляжками для переноски. Шнур трубки крепился к аппарату штепсельной вилкой. Недовольно морщился небритый обер-ефрейтор в кителе с расстегнутым воротом — качество связи оставляло желать лучшего. Треснул эфир, он отдернул руку, поковырялся пальцем в ухе, скорчив при этом такую мину, словно из трубки ему выстрелили в голову. Прошло соединение — он облегченно выдохнул.

— Дитер, это «третий», у нас все тихо. Дитер, слышишь меня? — Он несколько раз повторил последнюю фразу. Абонент отозвался. — Происшествий нет, следующий вызов через полчаса... Спасибо, Дитер, и вам удачи, в этой стране она нам точно не помешает, — обер-ефрейтор оскалил хорошо сохранившиеся зубы и пристроил трубку на рычаг. Перехватил взгляд сидящего напротив обер-гренадера, натянуто усмехнулся: — Все нормально, Курт, дозвонился.

— Ты словно из боя вышел, Леонард, — товарищ вытер носовым платком вспотевший лоб.

— В этой стране отвратительная связь, — пожаловался сослуживец, — невозможно понять почему. До Дитера два километра, а слышимость такая, будто он в Лейпциге.

— Ты еще вспомни, какие здесь дороги.

— Дороги? — удивился собеседник. — Разве в России есть дороги? Знаешь, дружище, если бы в России были дороги, мы бы уже давно пришли в Москву.

— И жара отвратительная, — посетовал из соседней воронки осанистый унтер-офицер Берг. — Разве можно существовать в такой жаре? Это не страна, а какая-то сатанинская баня.

Он сидел в воронке в гордом одиночестве, пристроив в качестве сиденья обломки снарядного ящика. Карабин «маузер» покоился между коленями, унтер закатал рукава кителя с белой окантовкой на бортах и рукаве — отличительным знаком пехотных частей. В жару грубое армейское сукно носилось плохо. Пик зноя давно прошел — солнце три часа назад миновало полуденную отметку. Но все равно было жарко, душно, хотелось освежающего ветерка.

— И население в этой стране не очень гостеприимное, — развивал тему обер-гренадер. — Я даже молчу про так называемую армию — это сборище совершенно неподготовленных, плохо

одетых и слабо вооруженных людей. Порой они доставляют нам хлопоты. Мы их гоним, берем в плен сотнями тысяч, а они берутся непонятно откуда, нападают толпой, им совершенно плевать, что их сейчас убьют, а другой жизни не будет. Я ловлю себя на мысли, что совершенно не понимаю этих людей. Порой они непредсказуемы.

— Армия-то ладно, — засмеялся Леонард, — а вот жара, плохая связь, отсутствие дорог — это вещи серьезнее.

— Довольно болтать, — перебил унтер. — Внимательно следите за местностью и прекращайте курить. Остался час, надеюсь, нас ввремя сменят.

Извиваясь задом, унтер выполз на гребень воронки. Аванпост был вынесен за пределы позиций пехотного батальона. Расположение части отсюда не просматривалось. Телефонный провод убежал на запад по высокой траве, терялся в перелеске. Последний не отличался размерами, за ним находилась еще пара таких же, растительность сливалась, и создавалась иллюзия сплошного лесного массива.

Местность на востоке болотистая. С севера и юга открытое пространство сжимали лесистые низины, плотно заросшие подлеском и заваленные буреломом. По этим чащам не прошли бы ни люди, ни техника. Ширина открытого пространства — не больше двухсот метров. Зеленый

ковер покрывал равнину, белели россыпи клевера. Несколько воронок от шальных снарядов пейзаж почти не портили. Идиллия сохранялась, если не всматриваться. День был в разгаре. По небу плыли перистые облака и хищные птицы с внушительным размахом крыла.

Дозор состоял из пяти человек — невдалеке обустроились еще двое. Гренадер Курцман лежал в траве и осматривал окрестности в полевой бинокль. Рядовой Шнитке, скорчившись в ямке, грыз травинку. Слиплись потные волосы. Пилотку с окантовкой он сунул за ремень, каска валялась в траве. Снаряжение создавало неудобства, но снимать его солдатам вермахта во время боевых действий запрещалось. Они таскали на ремнях серьезную тяжесть — и это не всегда оправдывалось. Два патронташа, фляжка, котелок, скрученная плащ-палатка на допниках — специальных ремешках для крепления снаряжения. Саперная лопатка крепилась в специальном чехле совместно со штык-ножом — все это вносило дополнительные неудобства. Завершали экипировку фонарь, притороченный шнурком к погону, и бачок противогаса, переброшенный через плечо.

Унтер потянул носом. Терпкий запах луговых трав щекотал ноздри. В правом леске пернатые твари учинили переполох — прыгали с ветки на ветку, запыленно кричали. Впрочем, гомон вскоре оборвался.

Рядовой Курцман улегся на бок, расширил сектор обзора. Теперь он оглядывал лесок, где шумели птицы. Ничего подозрительного наблюдатель не выявил, вернулся на исходную позицию. Унтер сполз в воронку, глянул на часы и стал моститься на обломках снарядного ящика.

— Вижу людей, — вдруг сказал Курцман.

Все насторожились, нахмурился унтер-офицер. Курт и Леонард в соседней воронке взялись за карабины, подались наверх. Со стороны далекой восточной опушки бежали четверо, махали руками, в которых что-то белело, — явно не оружие. Один из бегущих споткнулся, но быстро встал, засеменял, ускоряясь. Люди что-то кричали.

— Русские солдаты, — спокойно сообщил Курцман. — Их четверо, без оружия, бегут к нам. Малиновые петлицы — это русская пехота.

— В атаку идут? — пошутил Курт.

— Не думаю. Они без оружия, без ремней и головных уборов, — чувство юмора гренадеру Курцману было недоступно. — Разрешите открыть огонь, господин унтер-офицер?

— Не будем торопиться, пусть подойдут ближе.

— Это русские перебежчики, — констатировал Курт. — Они размахивают листовками, которые наша авиация сбрасывает им на головы. Посмотрите, какие трусы, господин унтер-офи-

цер — они же зеленые от страха, боятся, что мы по ним стрелять начнем.

— А ты бы не боялся? — ухмыльнулся Берг.

Перебежчики перешли на шаг, стали неуверенно переглядываться друг с другом. Теперь и без бинокля было видно, как они взволнованы: облизывают губы, утирают потные лица.

— Господа, не стреляйте! — крикнул рослый боец с искаженным пятнистым лицом. — Мы сдаемся!

— Нихт шизен, нихт шизен! — загорланил темноволосый молодой красноармеец. Он пытался улыбнуться, но выходила какая-то сатирическая гримаса. Познания в немецком языке у парня были явно однобокие.

Унтер привстал и с ехидной улыбкой начал делать приглашающие жесты. Поднялись и остальные. Вылезли из воронки Курт и Леонард, расставили ноги, подняли карабины. И вновь трусливый переполох в рядах неприятельского «войска».

— Не стреляйте, мы сдаемся! Вы сами напишите, что эти листовки — пропуск для перехода к вам! — Они опять замахали мятыми бумажками.

— Тафай, тафай! — засмеялся немецкий солдат, хлопая себя по колену и подманивая перебежчиков. Те, неуверенно улыбаясь, подбирались бочком.

— Говоришь, непредсказуемы, Курт? — смеялся Леонард. — И что в них, скажи на милость,

непредсказуемого? Они теряют человеческий облик, согласись? Еще неделя таких боев — и вся их армия будет стоять перед нами с дрожащими коленками.

Военнослужащие вермахта, выражая презрительное превосходство, не смотрели по сторонам. Других людей в округе не было, только эти четверо, сбежавшие из своего расположения. Малиновые петлицы на воротниках, но сама униформа — скорее, комбинезоны, чем гимнастерки, — мешковатые, засаленные, потерявшие форму. Возможно, техники, обслуживающие автопарк, или представители ремонтных подразделений.

Перебежчики заискивающе улыбались, пощеничьи смотрели в глаза. Они стеснительно мялись, совали немцам листовки — те и впрямь считались пропуском в плен. Немецкие летчики тоннами сбрасывали эту низкосортную продукцию на советские позиции. Качеством работы зондерфюреры прифронтовых пропагандистских служб не утруждались. Богатством фантазии не отличалась. «Зачем? — искренне считали представители агитационного фронта. — Мы и так победим! Написано без ошибок, и ладно».

«Бойцы и командиры! Друзья! Решайтесь! Смерть за Сталина или жизнь в счастливой свободной России? Думайте о том: кто идет в атаку — идет навстречу смерти! Ты стал пушечным мясом, не жертвуй своей жизнью для других!

Единственное спасение — переход к нам! Твои товарищи уже научены горьким опытом!»

Выдумывались номера частей, подразделений, которые всем составом переходили на сторону великой Германии и теперь ощущали себя свободными и счастливыми людьми, сбросившими с себя ярмо большевизма!

Красноармейцы тянули вверх руки — словно соревновались, кто выше. Немцы, посмеиваясь, обшаривали перебежчиков. Ничего подозрительного обыск не выявил. Пехотинцы расслабились, стали отпускать остроты. Курцман пошутил про отбившихся от стада овец...

Но в окружающем пространстве что-то неувлимо менялось. Унтер-офицер отметил движение краем глаза, но реакция запоздала. Метнулось что-то страшное, оскаленное, в бесформенной мешковине цвета лесной зелени! Острый нож вонзился в бок, продрал до кишок. Дыхание перехватило, свет померк. Обмякшее тело повалилось в траву.

Остальные задергались, но все закончилось очень быстро. Мелькали ножи, развевались лохмотья, сосредоточенно сопели люди.

Шнитке вскинул было карабин, но на него набросились сзади, перерезали глотку сияющим на солнце лезвием. Немец рухнул на колени, выронив свой «маузер», схватился за кровоточащую рану. Агонизировал Курцман — сучил ногами, держался за вспоротый живот. Глаза те-

ряли жизненный блеск, превращались в мутные стекляшки. Вздрагивал придушенный Леонард, давился рвотой, сипел: «Не надо, не надо...»

— Это, сволочь, самое малое, что я могу для тебя сделать... — выдохнул «леший», вонзая нож под ребра и проворачивая рукоятку.

— Фу, как кроваво, — поморщился молодой черноволосый «перебежчик». Эти четверо не принимали участия в схватке, стояли в сторонке и молча наблюдали за происходящим. Свою задачу они выполнили. Удрученно покачивал головой рослый молодец.

Извивался в траве обер-гренадер Курт. Ранение в спину оказалось несмертельным — тело частично парализовало. До этого дня ему и в голову не приходило, что однажды он может умереть. И вот внезапно это случилось! Бедняга задыхался.

— Кто вы? Что вы хотите? — выдавил он в отчаянии.

— А на кого мы похожи? — Над умирающим склонилось измазанное грязью лицо. — Полковая разведка. Лейтенант Шубин Глеб Станиславович, мое прощальное почтение.

Обер-гренадер икнул одновременно с ударом. Глаза полезли из глазных впадин и застыли, остекленев. Голова покойника безвольно откинулась назад.

— Может, и нам стоило представиться? — задумчиво вымолвил коренастый, какой-то бес-

цветный разведчик с постным лицом. Он тщательно вытирал нож о суконный китель убитого.

— Тебе точно не надо, Иван, — усмехнулся черноволосый, — у тебя фамилия страшная. А этим ребятам и так не по себе.

— Фамилия как фамилия, — буркнул боец.

— Да нет, Иван, она у тебя действительно страшная, — оскалился молодой якут с широкой, как блин, физиономией. Он говорил по-русски без акцента. — Смотрите, товарищ лейтенант, как хорошо им тут было. Служба не в тягость, никакого начальства, знай, наслаждайся на природе. А тут пришли русские и все испортили.

— Ты русский? — удивился улыбчивый Паша Карякин.

— А какой же еще! — воскликнул Баттахов. — Ты посмотри на меня внимательно, дурья твоя башка! Я что, похож на папуаса?

— Ладно, хватит ржать! — перебил лейтенант Шубин, жилистый 27-летний мужчина с короткой стрижкой и лучистыми глазами. — Вы, перебежчики хреновы, живо за своим нарядом! Он там, в лесу! — лейтенант ткнул пальцем, обозначая направление. — Привести себя в порядок и ждать на опушке! Остальные — по воронкам и не высовываться!

Мертвые тела замаскировала трава. Немецкие позиции отсюда не просматривались. И то, что натворили разведчики 239-го стрелково-

го полка, пока еще не было известно противнику.

Разведчики в маскхалатах, напоминающих костюмы леших, рассредоточились по воронкам. Шубин высунул голову. «Перебежчики» чесали к южному лесу, где товарищи оставили их боевую форму. Рослый Николай Ершов высоко подбрасывал ноги. Неслись сломя голову черноволосый Влад Дубровский, сержант Климов, приземистый и коренастый ефрейтор Чусовой. Последний разогнался, обошел товарищей, протаранил стену шиповника.

— Телефонный провод перережем, товарищ лейтенант? Чего он тут вьется? Непорядок, — внес предложение Карякин. Он лежал рядом и задумчиво смотрел на темную змейку, выющую по траве. Полевая телефония помалкивала.

— Отставить, красноармеец. Нам от этого провода ни жарко ни холодно. Лежи и наблюдай за обстановкой.

Обстановка не изменилась. В лесу распевали пернатые, жарило солнце. О войне (если не замечать мертвых фрицев) напоминали лишь звуки отдаленной канонады.

Остаться на этом участке было рискованно. Узкую равнину сжимали болотистые леса, передвигаться по ним было опасно. Проходимой оставалась лишь узкая полоса вдоль опушки, ею и воспользовались пятеро бойцов. «Действовать только ножами, никакой стрельбы, — заблаго-

временно предупредил Шубин, — скрытно подбираемся, пока наши шуты гороховые немчурю улаживают. Нападаем одновременно — их пятеро и нас пятеро...»

Теоретически немцев можно было не трогать, но тогда разведчики ползли бы черепахами, а противник не слепой. В тылу остаются пятеро, а впереди не пойми что. Хорошо, что толпой не вывалили из восточного леса, укрылись за деревьями, и Шубин в бинокль сумел выявить пост. Обычные вояки в полевой «мышинной» форме, про искусство маскировки имеют лишь поверхностное представление. План возник спонтанно, сыроватый, но интересный: отвлечь внимание, пока подберется группа с ножами...

— Правильно сделали, что взяли немецкие листовки, — прошептал якут Айхан Баттахов. — Верно, товарищ лейтенант? Как чувствовали, что могут пригодиться.

— Верно-то верно, — из соседней воронки подал голос Смертин, — только рискованно. Нашему особисту товарищу Пшеннику бесполезно что-то объяснять. Нашел бы — и загремели бы мы в лучшем случае под трибунал, а в худшем — по законам военного времени — без суда и следствия...

— Так мы же для благого дела, — возмутился Баттахов.

— А это на том свете объяснять будешь, — фыркнул Паша Карякин, — архангелам, апо-

столам или кто там тебя встретит после расстрела.

Глеб промолчал. Пропаганда фашистской Германии трудилась не покладая рук. Качество работы подменялось количеством. Листовки, призывающие бойцов Красной Армии сдаваться в плен, сбрасывались с самолетов в невероятном количестве. Они валялись везде — в необитаемых лесах, в населенных пунктах, падали, как снег, на позиции обороняющихся войск. Пропагандисты обещали почтительное отношение в плену, скорую встречу с родными, достойную жизнь в избавленной от ига большевизма России. Хранить листовки запрещалось под страхом расстрела. Специальные команды собирали их и сжигали. Второго дня особисты отловили двух красноармейцев, сунувших в карманы эти листовки. Вступить за несчастных не посмел даже комроты. Шубин лично наблюдал, как их гнали к оврагу — растерянных и перепуганных. Они кричали, что не собирались в плен, а листовки взяли для самокруток — снабженцы ведь не привозят папиросную бумагу! Возможно, так и было, но кто же станет разбираться? Сослуживцы отворачивались, прятали глаза, а те истошно кричали, пытались достучаться до сотрудника Особого отдела, приводящего собственный приговор в исполнение. Что такое жалость, лейтенант госбезопасности просто не представлял. Крики оборвались, когда он начал бегло стрелять...

За спиной раздался шум, посыпалась земля. Шубин покосился через плечо. Михаил Канторович, путаясь в нашитых на комбинезон «струпьях», перебрался на другую сторону воронки, подтянул к себе труп немецкого солдата и начал обшаривать подсумок. Две гранаты он забрал, не раздумывая, скептически поглядел на штык-нож в чехле, поколебался, но все же решил не брать. Мертвец тарасился на него пустыми глазами, нисколько не смущая разведчика.

Канторович был расчетлив и хозяйственен, пройти мимо ценной вещи просто не мог. Примкнуть к компании «перебежчиков» Канторович отказался наотрез, и в этом имелся свой резон. «Вы в своем уме, мужики? — энергично крутил он пальцем у виска. — Немцы обхохочутся и сразу меня прибьют — моргнуть не успеете. За один только нос прибьют». Нос у грамотного и дисциплинированного бойца был действительно выдающийся.

С опушки энергично семафорил Чусовой. Бойцы приняли нужный образ. Шубин встрепетнулся:

— Пошли. Рывком к лесу. Бежим так, словно у нас фитили в заднице дымятся!

— Ох, товарищ лейтенант, ну и метафоры у вас с гиперболами... — посетовал Канторович.

Пятеро в «отрепьях» одновременно выскочили из воронок и припустили к опушке. Полминуты вынужденной неизвестности — вломи-

лись в лес, рассредоточились между деревьями. Дальше простиралась заболоченная низина с обилием растительности, соваться в нее смысла не было.

— Все готовы? — выдохнул Глеб. — Вперед, вдоль опушки, из леса не выходим. Эту опасную зону надо миновать. Ершов, ты ничего не забыл?

— Ах да, — хлопнул себя по лбу долговязый Николай и нырнул за косогор. Выволок тяжелую радиостанцию, обтянутую брезентовым чехлом с ляжками, стал взваливать ее под усмешки товарищей на свои широкие плечи.

— Раззява, — прокомментировал Глеб.

— Виноват, товарищ лейтенант... Сами попробуйте потаскать эту дуру. Я вам что, владимирский тяжеловоз?

— Так и есть, Коляша, — хлопнул товарища по плечу Дубровский, — ты отличаешься массивным телосложением и большой силой.

— Разговорчики, — проворчал Глеб. — Рацию несете по очереди. Дубровский — следующий. Все, мужики, пошли. Климов, Смертин — в передовой дозор!

Снова двигались краем низины, подолгу стояли за деревьями, ожидая от авангарда известий. Перебегали по одному, замирали, работали ушами. У большинства отсутствовал опыт бесшумного хождения по лесам. Где взять таких людей? Хрустел валежник под ногами, выстреливали ветки. Пашка Карякин, обливаясь потом, вился

вокруг Ершова, показывал, куда ступать, отгибал ветки — а тот пер как слон со своей ношей.

Пришлось уйти за косогор в низину, там скорость упала. Справа слышалась немецкая речь, смеялись военные, бренчали котелки и фляжки. Надрывно взвизгнула губная гармошка — «гармонист» закашлялся, те, кто находился с ним рядом, залились смехом.

— Развлекаются, сволочи... — проговорил Баттахов. — Ничего, скоро мы покажем им кузькину мать, еще встретятся с бешеным русским зверем.

Этот забавный паренек, которого за глаза величали «луноликим», сильно нервничал, когда его называли якутом. «Сахаляр я, — объяснял Айхан, делая страшные глаза, — папа якут, мама русская. И жил я не в юрте на стойбище, а в нормальном доме, лесником работал в заповеднике, комсомольские собрания посещал в коллективе и в соцсоревнованиях участвовал...»

Товарищи смеялись: а в коллективе кто? Волки с оленями? И что с того, что мама русская? Якутские гены подавили все. Как Баттахов угодил на войну из далекой Якутии — было делом темным. Якутские дивизии только еще формировались.

Было известно, что прибыл он в европейскую часть РСФСР к родственникам матери, а когда началось это безумие на границе, поспешил в военкомат. Тогда казалось, что война —

дело недолгое: поднимется «ярость благородная» и отбросит захватчиков за границу. Даже в страшных снах не допускалось, что лето 1941-го превратится в ад, а Красная Армия покатится на восток, корпуса и дивизии будут гибнуть в котлах, сотни тысяч солдат окажутся в плену благодаря внезапности вторжения и неумелым действиям комсостава...

Расположение пехотного батальона осталось в стороне. За спиной разразились тревожные крики. Гортанно каркал немецкий офицер. Разведчики застыли. Нет, их пока не засекали, очевидно, обнаружили погибших сослуживцев на выносном посту.

Пару минут разведчики сохраняли покой. Потом быстро возобновили движение...

Слева оборвалась низина. Расширилось открытое пространство, обозначилась проселочная дорога в разливе луговых трав. Лес на южной стороне все еще густой, но уже проходимый, осиново-березовый, с плотным ковром лопухов и папоротника.

Справа на проселочной дороге стояли грузовики, выделялись пятна палаток. Доносился размеренный гул — работали дизели. В тылу пехотного батальона расположилось еще одно подразделение. Трещали мотоциклетные моторы. Над стеблями травы двигались серые немецкие каски. Шум затих, колонна скрылась за перелеском.

Несколько минут разведчики лежали на опушке. Последовал приказ углубиться в лес, другого выхода не было. Полсотни метров от опушки — и снова на запад, с пятки на носок, огибая засохшие кустарники, стараясь не ступать в кучи бурелома и валежника.

О том, что немцы обживают эту местность, Шубин предполагал, и все же плотность немецких частей вызвала недоумение: когда успели? Хорошо хоть в чашу не суются.

Тяжелая рация переходила из рук в руки. Чусовой взвалил ее на горб, поправил лямки, шумно выдохнул и, покачиваясь, двинулся по протоптанной дорожке...

Дальше простирался молодняк — сплошной массив двухметровых осиновых побегов. Подлесок сошел на нет, зашуршала прелая листва, сапоги провалились в липкий чернозем. Шли быстро — слишком заметные мишени среди неокрепшей древесной поросли. По курсу обозначилась лесная дорога, она петляла по осиннику — с глинистым покрытием, практически не заросшая чертополохом. Только обочины обрамлял рослый бурьян — в него и рухнули разведчики, когда слева раздалась немецкая речь!

Кто не успел добежать до дороги, упал на месте.

Из-за поворота показались два солдата — в касках, при полной амуниции, вооруженные карабинами «маузер-98». Очевидно, патруль.

Карабины они несли в руках, вертели головами. Но особой тревоги не выказывали — спокойно обменивались репликами.

Патруль неспешно приближался, поскрипывала глина под коваными подошвами. Пот струился по щекам, срывалось дыхание. Слава богу, только двое, за ними — вроде никого...

Немцы уже были рядом, смотрели по верхам, не замечая, что у них под ногами. Бренчала амуниция, свисающая с ремней. Это были представители пехотной части — форма с белой окантовкой (ставшая грязно-серой). Справа на груди над накладными карманами — нашитый орел вермахта, оседлавший свастику.

Немецкий язык Шубин знал не в совершенстве, но допросить «языка» или сделать выводы из подслушанного разговора мог. Один немец жаловался на плохую работу полевой почты: отправил письмо своей разлюбленной Эльзе вечером 22 июня, в тот день, когда Германия начала свою «победоносную» войну, и до сих пор нет ответа. Уже пешком могли бы сходить туда-обратно! Дрезден — это не бог весть какая даль! А вдруг письмо не дошло и Эльза нервничает? Она такая впечатлительная. Станет накручивать всех — тетушку Магду, дядю Генриха, а те ведь тоже не из железа! Товарищ успокаивал: все в порядке, Конрад, почта работает. Просто русские дороги — это такой ужас, их крайне мало, а по тем, что способны функционировать, транспорт

пропускают преимущественно на восток, обратное движение слабое. Порой даже вывоз раненых превращается в проблему, не говоря уж про полевую почту. Ничего не случится с его Эльзой, понервничает и успокоится. Шанс, что ее возлюбленного убьют, крайне невелик. «На этот счет я даже не беспокоюсь, Отто, — отзывался жалобщик, — я очень переживаю за Эльзу».

Они уже было прошли мимо, но остановились, чтобы закурить. Щелкнула зажигалка. Брякнул металл — видимо, фляжка. Но — не у немцев! Шубин чуть не выругался. Кому там не лежитя?! Ногу свело, а подождать полминуты — никак?!

Немцы дружно повернулись. Запомнился взгляд коренастого белобрысого — сперва недоуменный, потом в глазах появился страх.

Шубин метнулся в атаку, сжимая кулак. От удара немцу разорвало губу, брызнула кровь. Кто-то кинулся вслед командиру, кажется, Дубровский. Патруль не успел закричать, тем более воспользоваться оружием.

Блондин, откинув голову, попятился. Удар подошвой по колену сломал его, как сухую хвостину. Немец подавился хрипом, в следующий миг Глеб оседлал поверженного врага, несколько раз ударил в горло. Фриц уже был не жилец. Завершающий удар пришелся под нос — место чувствительное и очень опасное. Солдат затах, остекленели выпученные глаза. Странно,

еще минуту назад он не сомневался, что вернется живым с победоносной войны. А бедная крошка Эльза... Да к черту эту Эльзу! Было бы кого жалеть! А кто пожалеет миллионы советских баб, оставшихся без мужиков?!

Шубин перевел дыхание, поднялся. Разведчики мялись с озабоченными лицами. По дороге катались два тела. Влад Дубровский душил противника, а у того, хоть шея и была не бычья, но никак не поддавалась. Немец был в настоящем ужасе, он не мог поверить, что это не сон. Он беззвучно хлюпал ртом, лицо побагровело, выступили вены на висках. Влад отдувался, но делал свою работу. Глаза врага потихоньку закатывались, движения слабели.

— Ай да физик, — уважительно пробормотал сержант Климов, мускулистый русоволосый парень среднего роста. — Смотри, что делает...

— Превращает живую материю в неживую, — сумничал Канторович.

Влад Дубровский до войны обучался на физико-математическом факультете Московского университета. Не доучился — отправился на фронт. Анемичным доходягой он не был — успешно сдавал нормативы ГТО, совмещал томление на парах с занятиями в секции бокса, любил носиться по футбольному полю. Его уважали, но частенько подтрунивали над самой учебой, — заоблачным явлением для большинства красноармейцев...

Немец сделал судорожный рывок и почти вырвался. Иван Смертин метко ударил его прикладом в голову. Треснул череп, немец затих. Дубровский сбросил его с себя. Протянул руку Паша Карякин, помог товарищу подняться.

— Увертливый, гад... — отдуваясь, проворчал Дубровский и добавил под смехи товарищей: — Да нет, все правильно, материя постоянно находится в движении...

Дорога была пустая в оба конца. Немцы отмучились — валялись с искаженными лицами. Шубин раздраженно сплюнул. Не хватало, чтобы и этих хватились. Шлейф за спиной скоро превратится в павлиний хвост. А они здесь не за этим!

— У кого фляжка брякнула? — Лейтенант сурово смотрел на подчиненных. Разведчики сделали скромные лица, поглядели на командира преданно, с недоумением и обидой. — Еще раз такое случится — пожалеют все, — процедил Глеб, — всю группу накажу. Быстро заправиться, привести в порядок снаряжение. Трупы оттащить в лес, чтобы глаза не мозолили... Дубровский, к тебе это тоже относится!

Работали стремительно: схватили мертвых за конечности, утащили в лес. Канторович подошвой разровнял следы на дороге. Была бы метла, подмел бы! Тела утрамбовывали в подвернувшуюся канаву, засыпали листвой.

— Быстро просыпаемся, товарищи красноармейцы, летать надо, бойцы! — висел над душой лейтенант Шубин. — В колонну по одному — и на запад!

Снова бежали краем леса, несли по очереди рацию. Пройденные километры с долей погрешности откладывались в голове. Не весь район был занят немцами. Где-то они стояли плотно, на других участках их не было вовсе. Очевидно, и захватчики испытывали нехватку топографических карт.

Чувствительный нос Баттахова уловил запах навоза. Сделали пятиминутную остановку. Баттахов и Смертин, оба бывшие охотники, ушли прояснять ситуацию. Вскоре вернулись, доложили. Справа деревня, дворов на двадцать, немцев в ней нет, жителей тоже не видно. Петухи не поют, куры не кудахчут — значит, немцы в ней точно были и все съестное выгребли. У противоположного леса наблюдается движение — вроде местные, собираются вернуться в свои избы...

Останавливаться не было смысла, пошли дальше. Носильщики радиостанции менялись через каждые двести метров.

Лес кончился. Шубин лег за поваленным деревом, припал к биноклю, за спиной разведчики обменивались впечатлениями.

Картина предстала безрадостная. Часть Позненского укрепрайона между деревнями Батоги и Грязино. Оборонительную линию возводили

в спешке, уже после начала войны, — не особо утруждаясь логикой и смыслом. Был приказ, и армейские чиновники его исполняли. Прерывистая линия дотов, два ряда траншей с землянками и блиндажами, противотанковый ров. На его строительство мобилизовали людей из окрестных деревень. Над полем витал душливый трупный запах.

Бой шел примерно двое суток назад, даже не бой — побоище. Противник обошел позиции обороняющегося батальона, ударил с тыла. В сражении явно участвовала немецкая бронетехника. Трупы своих солдат немцы увезли (их было немного), красноармейцев оставили — сами сгниют и станут удобрением на новых пахотных землях. Укрепрайон подвергся массированному артиллерийскому обстрелу. Потом ударили с фланга, пройдя по заболоченной низине. Пушки старых танков Т-26 и БТ-7 калибром 45 мм не могли пробить броню новых немецких машин, а сами горели как факелы. На поле осталось не меньше десятка сгоревших танков, и среди них лишь один немецкий, подорванный, очевидно, связкой гранат.

Траншеи превратились в месиво из земли и бревен, противотанковый ров защитникам не понадобился — немцы его обошли. Долговременные огневые точки превратились в обугленные горки. Враг применял технологию, отработанную еще в Польше. Слабым местом дотов

были вентиляционные отдушины и места вывода кабелей. Немцы отыскивали эти участки, направляли в них огнемётные струи — пламя проходило по ходам и выжигало все, что находилось в доте. Зачастую защитники даже не успевали покинуть этот бушующий пламенем ад, превращались в головешки вместе со своими орудиями и пулеметами...

Смотреть на это было тошно. Охватывало какое-то цепенящее отчаяние.

С северо-запада доносился гул — там перемещалась боевая техника. На укрепрайоне немцев не было. Но бежать по полю, усеянному трупами, было не совсем разумно.

Шубин отполз в лес, приказал отойти и обогнуть поле, не выходя на открытые участки. Передвигались в темпе — без нытья и возражений. Люди терпели, пот пропитывал одежду. «Защитная пленка, — пошутил, отдуваясь, Паша Карякин, — ничего, пар костей не ломит». Было пять часов дня, когда группа вошла в лес и спустилась в овраг.

— Обеспечить пути отхода, — распорядился Глеб, — пятнадцать минут на отдых.

— Да чего тут обеспечивать, товарищ лейтенант? — заныл Ершов, сбрасывая рацию. — Нет же никого во всем лесу...

— А при шухере улетим на воздушном шаре? — Шубин окинул подчиненного таким взглядом, что тот прикусил язык. Не понимают,

что живы только благодаря осторожным действиям.

Овраг тянулся, как дорога, — в два конца, имелись сравнительно удобные подъемы: один в тридцати метрах, другой чуть дальше. Люди упали без сил, восстанавливая дыхание. Баттахов сел на глиняный ком, привалился спиной к обрыву и закрыл глаза. Не шевелился, размеренно дышал.

— Чего это с ним? — не понял Чусовой.

— Да все с ним нормально, — отмахнулся Дубровский, — нас не научили, а жаль. Штучки их шаманские. Мгновенно засыпает, расслабляется, и через четверть часа будет полон сил, побежит впереди паровоза. А мы пока накуримся, поболтаем, толком не отдохнем...

— Так пусть научит.

— Делать ему больше нечего, — фыркнул Влад, — учить бестолковых своим штучкам. Это долгий процесс, люди годами тренируются.

— Ну и не надо, — буркнул Карякин. — Мы хоть покурим, поболтаем, насладимся короткими минутами, верно, товарищ лейтенант? Не знаю, кому как, а мне курение только помогает.

— Ерунда эти шаманские штучки-дрючки, — пробормотал Ершов, переворачиваясь на другой бок. — Шаманы-шарлатаны только мозги засоряют коренным северным народам, отвлекают от важных дел...

По неподвижному лицу сновидца проплыла загадочная улыбка — оздоравливающий сон не мешал воспринимать действительность.

Разведчики возвращались к жизни. Смертин извлек кисет, обрывки газетной бумаги — не самый подходящий материал для самокруток. Но в крайнем случае годился и такой. Подтянулись алчущие Ершов и Карякин.

— Ванька, не жадничай, — пробормотал последний, — для лучших друзей ничего не жалко. Вот убьют тебя завтра, а то и сегодня, — и на хрена тебе эти запасы? А на том свете приятно будет — все же с лучшими друзьями поделился.

— А что у немцев не взяли? — вяло отбивался Смертин. — Куча трупов, и у всех карманы забиты куревом. Им точно без надобности.

— Шутишь, Ваня? — Ершов запустил руку в чужой кисет. — Мы люди тонкие, чувствительные, немецкие сигареты курить не можем. Это даже не сигареты, а трупный яд какой-то...

Разведчики подползли ближе.

— Курить будете, товарищ лейтенант? — предложил Смертин.

— Не хочу, спасибо. Да и вам не советую, хреново потом будет.

— Извиняйте, товарищ лейтенант, — в предвкушении мурлыкал Карякин, сворачивая цигарку. — А вдруг и впрямь помирать придется, а мы не покурившие?

Глеб, откинув голову, замолчал. Разведчики непринужденно общались. Некурящий Канторович вяло отбивался от предложенного «курительного кулька». Национальность при отборе людей не имела для Шубина значения. Было негласное распоряжение не принимать представителей «неблагонадежных» наций, в основном прибалтов и жителей Западной Украины, и этим указаниям следовали. Про евреев ничего не говорили.

Миша Канторович имел мышечную массу, до войны учился в Ленинграде на бухгалтера. В 1940-м отправился в армию, невзирая на протесты родителей, служил нормально, ничем не выделялся. Мать работала в «Эрмитаже» на руководящей должности, отец имел отношение к обновленному после прихода Берии НКВД. Чем он занимался по роду службы, узнать не удалось, но отношения с сыном были натянутые: с отцом Канторович практически не общался и, казалось, стесняется своего родителя. Видимо, имелись основания. Боец он был исправный, с юмором и воображением, нареканий по службе не имел. Его присутствию в полковой разведке сначала удивлялись, потом привыкли.

Шубин вяло слушал их разговоры, прикрыв глаза. Якут Баттахов не шевелился, и, если честно, Глеб ему завидовал. Парень не уставал и даже не потел — последнее относилось к особенностям организма.

Сдавленно выражался, косясь на командира, Виктор Чусовой, бывший водитель с элеватора. За плечами — война с белофиннами, обморожение, ранение, потом снова в строй. В колхозную бытность — хулиган, драчун, чуть не сел за драку, но выпутался.

Шубин долго колебался, но все же взял парня, поставив ему кучу условий. И что интересно, не пожалел...

На театре военных действий происходило что-то страшное. Это был дурной сон, разум отказывался воспринимать реальность. Красная Армия целый месяц катилась на восток, теряя на полях сражений сотни тысяч, если не миллионы, солдат. Под Минском и Белостоком советским войскам нанесли сокрушительное поражение. Подвижные части группы армий «Центр» устремились к Орше, Витебску и Могилеву. Оборона трещала по швам. Танковые группы без усилий ее прорывали. Удары во фланги механизированными корпусами были сродни булавочным уколам. Западный фронт развалился, просто перестал существовать. Командующего фронтом генерала Павлова арестовали. Военная коллегия Верховного суда приговорила его к расстрелу — за трусость, самовольное оставление стратегических пунктов, за бездействие и развал управления войсками.

От этого положение не улучшилось. Красная Армия отступала везде — от Заполярья до